

В. В. НАПОЛЬСКИХ (Ижевск)

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ ТЮРКИЗМЫ В УДМУРТСКОМ П. *сартчы*

Удм. *śartčj* 'репа'

~ коми скр., уд., вым., нв., вв., сс., иж. *śortni*, лл. *śorkni*, вс. *śorkni*
~ коми П *śortni* ~ коми Я *śorkni* 'репа'
~ чув. *śarǎk* 'репа'.

Дальнейшие параллели как в тюркских, так и в финно-угорских языках отсутствуют.

Справедливо принято выделять в коми и удмуртском словах суффиксы: удм. *-čj* и коми *-ni*, подтверждая это примерами типа удм. *vekčj* 'тонкий' ~ коми *veknj* 'узкий' и удм. *pokčj* 'маленький' ~ коми *posni* то же, и реконструировать, таким образом, общепермскую основу **sarjč* (Wichmann 1903 : 97; КЭСК 253). Реконструкция конечного праперм. **-k*, а не **-t* в данном случае может быть подтверждена не только чувашским словом, то и возможностью развития **k* в палатальном окружении в *t'* в коми диалектах, например: скр., уд., вым., вв., лл., вс., печ., иж. *kerka* 'дом, изба', но скр., уд., нв., вым., лл., сс. *terka* то же при удм. *korka* 'дом, изба' (ССКЗД 153). Нужно, однако, отметить, что реконструкция двусложной прапермской основы, хотя и соответствует чувашской форме, собственно пермскими данными не предопределена, поэтому предпочитаю писать пермскую праформу как **sar(ǎ)k*, имея в виду возможность позднейшего появления вставного звука в чувашском.

Следует указать и на то, что в приведенных и других известных примерах суффиксы удм. *-čj* и коми *-ni* характерны для п р и л а г а т е л ь н ы х. Следовательно, есть основания думать, что названия репы в пермских языках представляют собой субстантивированные прилагательные, образованные от основы **sar(ǎ)k* (т. е. 'подобный **sar(ǎ)k*, обладающий признаком **sar(ǎ)k*'), сохранившейся в чистом виде в чувашском.

Отсутствие внешних параллелей как у чувашского, так и у пермских слов делает трудноразрешимым вопрос об их происхождении: «чувашское слово совершенно не имеет тюркских параллелей, возможная реконструируемая пратюркская форма могла бы выглядеть как **yärık* или **čärık*. Из нее могло бы образоваться ср.-булг. **šärık*.

Данное сопоставление встречается, однако, и фонетические трудности: соответствие ср.-булг. *ä* → праперм. *o* (> коми *o*, удм. *a*) необычно. Коми *-ni* и удм. *-ci* — именные суффиксы. Необходимо предполагать звуковое развитие в коми **šorjkn̄i > šorkn̄i > šortni > šort'ni*, а в удмуртском **šorjkc̄i > *šarjkc̄i > *šarkc̄i > šartc̄i > šarc̄i*. Таким образом, объяснение из ср.-булг. **šarik* невозможно» (Rédei, Róna-Tas 1975 : 42).

Почему наличие в пермских словах дополнительной суффиксации (к тому же не представляющей собой ничего исключительного — см. выше) должно мешать их сравнению с чувашским, известно, вероятно, только К. Редее и А. Рона-Ташу. Вопрос же о вокализме серьезнее: развитие булг. **ä* (чув. *a* < тюрк. **ä*) → коми *o* действительно выглядит несколько необычно. Однако, по наблюдениям тех же исследователей, есть всего два болгарских заимствования в коми языке, в которых в первом слоге в чувашском имеется *a*: чув. *karta* ~ коми *karta* 'конюшня, хлев' и чув. *kača(ka)* ~ коми *keč*, удм. *keč* 'коза' (Rédei, Róna-Tas 1972 : 284—285)¹. Едва ли двух примеров, дающих к тому же различный результат, достаточно, чтобы считать законы адаптации булг. **a* в пермских языках строгими и хорошо известными. Если обратиться к более многочисленным болгаризмам в удмуртском языке, обнаружится более десятка примеров на соответствие чув. *a* ~ удм. *a* (как и в удм. *šartc̄i*), и два — на соответствие чув. *a* ~ удм. *o* (чув. *kajik* ~ удм. *kojik* 'лось', чув. *ajda* ~ удм. *ojdo* 'давай!', а ну-ка!) (Wichmann 1903 : 25—26). Таким образом, следует сделать три вывода: во-первых, примеров отражения булг. **a* в пермских языках недостаточно, чтобы считать какое-либо из предполагаемых соответствий невозможным; во-вторых, булг. **a* может иметь в пермских языках различные рефлекссы; в-третьих, одним из этих рефлекссов — по крайней мере в удмуртском языке — может быть *o*.

Гиперкритический подход К. Редее и А. Рона-Таша мог бы иметь право на существование в случае достаточной разработанности проблем развития пермского и чувашского вокализма. Следуя такому подходу, они в конце концов пришли к заключению о том, что чув. *šaržk* заимствовано из удм. **šarjkc̄i* (> **šarjkc̄i* с суффиксацией > **šarkc̄i* > **šartc̄i*), которое восходит к праперм. **šorjkc̄i* (> **šorjkn̄i* > *šorkn̄i* > коми *šorkn̄i/šortni*) (Rédei, Róna-Tas 1982 : 174—175). Возвращаясь к проблеме вокализма, следует заметить, что соответствие удм. *a* ~ коми *o* (вс. *ə*, коми *Я o*) является довольно редким (восемь примеров в Лыткин

¹ Следует иметь в виду ненадежность данных сопоставлений. Коми *karta* 'хлев' не обязательно происходит непосредственно от чув. *karta* 'хлев; загородка' (< тюрк. **ker-* 'преграждать, замыкать'): распространение данного корня не ограничивается коми и чувашским языками, формы типа **ka/ärt/d(a)* 'огражденное место, двор, загон для скота' широко распространены в тюркских, финно-угорских, кавказских языках, имеется осетинская параллель (*kært* 'двор'), слово проникло и в русские диалекты (*карда* 'задний двор, загон для скота') (Абаев 1958—1989 I 586—587; Федотов 1996 I 232—233). Развитие семантики коми *keč* 'заяц' ~ удм. *keč* 'коза', *lud keč* (букв. 'дикая, полевая коза') 'заяц' ~ чув. *kača(ka)* 'коза', *mulkač* 'заяц' (с первым компонентом возможно древнеудмуртского происхождения: < удм. **mu-lud-keč* 'земляная дикая коза' (Федотов 1996 II 362)) можно объяснить как результат контаминации двух корней: **keč* 'коза' ← булг. **kăčä* (> чув. *kača(ka)*) < тюрк. **käči* 'коза' — и **keč* 'заяц' ~ лив. *kōps, kips* 'заяц' < праф.-у. **kerčz* 'заяц' (Viitso 1993 : 89—91).

1964), при этом допермские соответствия в четырех случаях указывают на исконный гласный заднего ряда (коми *loj-* ~ удм. *laj-* < **lskz* 'месить', коми *kolast* 'промежуток' ~ удм. *kwald-* 'раскалываться' < **kolz* 'промежуток, раскол', коми *mojd* 'сказка' ~ удм. *mad'* 'загадка; напев' < **muja-* 'касаться, пробовать, испытывать', коми *porś* ~ удм. *parś* < **porś(as)* 'свинья'²), а в двух — на гласный переднего ряда (коми *volk* 'гладкий, скользкий' ~ удм. *val'eg* 'скользкий, гладкий' < **wäl'z* 'гладкий, скользкий'³, коми *źor* 'седой' ~ удм. *źarj̄t* 'бледный' < **ćerz* 'серый') (UEW 36, 101, 174, 564, 736, 696). Обычно же коми **ɔ* (> вс. *ɔ*, коми *Я о*) указывает на допермский гласный переднего ряда (более двух десятков примеров в Лыткин 1964 : 100). Говорить о возможности уверенной реконструкции вокализма допермской праформы праперм. **śorj̄k* (**ɔ* < **o*/**u*/**ä*/**e* ??) можно, таким образом, только обладая явно сильно преувеличенными представлениями о возможностях пермского сравнительно-исторического языкознания. Замечу, что среди возможных вариантов реконструкции допермского оригинала имеются и такие (**ä*/**e*), которые позволяют выводить пермское название репы, в частности, и из булг. **šär(ǝ)k* (> чув. *šarǝk*).

Соответствие удм. *šartćj̄* ~ чув. *šarǝk* в любом случае и по вокализму идеально соответствует другим болгаризмам в удмуртском, проблематично появление *o* в коми слове. В принципе, учитывая указанные сложности реконструкции пермского вокализма в целом, многообразии соответствий и наличие множества примеров т. н. пермского умляута (неморфологического чередования корневых гласных типа удм. *kil'j̄nj̄* 'оставаться', *kelt'j̄nj̄* 'оставлять' и др., обусловленного, видимо, комбинаторными причинами, прежде всего — акцентуационными сдвигами вследствие суффиксации в прапермском), развитие **a* > *ɔ* в данном случае (принимая во внимание также старую суффиксацию в рассматриваемых словах) вообще не должно вызывать вопросов, и, думается, решение проблемы вполне исчерпывается кратким комментарием: «в слове *šorkñi* звук *ɔ* сложился на базе широкого гласного *a*, фигурировавшего в оригинале» (КЭСК 253).

В силу безусловного сходства фонетического состава корня и идентичности значения, единство происхождения пермских и чувашского слов не подлежит сомнению. При этом, как показано выше, формальные возражения против возможности заимствования слова

² Данные сопоставления встречаются известные трудности. По поводу **porś(as)* 'свинья' см. Rédei 1986 : 56. Что касается происхождения праперм. **mɔd'* 'сказка, загадка, напев', **mɔd'* '(рас)сказывать', серьезные возражения вызывает развитие праф.-у. **-j-* > праперм. **d'*, которое, хотя и считается доказанным (Uotila 1933 : 122—124), базируется на очень малом количестве примеров, одни из которых ошибочны, а другие (в частности, удм. **mad'* 'загадка; напев', *kad'* 'как, подобно') имеют надежные финно-угорские параллели, позволяющие возводить праперм. **-d'* к праф.-у. **-ñt-* с нормальной пермской деназализацией. Это, впрочем, тема для отдельного разговора.

³ В UEW (с. 564) приведено только удм. *vol'jt* 'гладкий, ровный'. Удм. *val'eg* 'скользкий, гладкий' безусловно принадлежит к этому же этимологическому гнезду, ср. особенно такие параллельные образования, как удм. *j'eval'eg* 'гололёд' ~ хант. (дем.) *wětek j'ęnk* 'гололёд'. Чередование корневого *a* ~ *o* в удмуртском в данном случае еще раз иллюстрирует бессмысленность попыток младорамматически строгого следования якобы установленным соответствиям вокализма в пермской этимологии.

**śar(ə)k* 'репа' из болгарского в пермские языки реальных оснований не имеют и вопрос о направлении заимствования — и, соответственно, о происхождении слова — с точки зрения чисто лингвистического внутреннего анализа не может быть решен. То обстоятельство, что в чувашском представлена «чистая основа», осложненная в пермских языках разными суффиксами, также может быть косвенным свидетельством в пользу первичности чувашского слова. В любом случае, даже при принятии гипотезы о заимствовании из пермского в чувашский, происхождение пермского названия репы остается темным по причине отсутствия как внешних параллелей, так и внутренней этимологии.

Высказанное предположение о возможности рассмотрения пермских названий репы как субстантивированных прилагательных указывает на то, что направление поисков таких параллелей не обязательно должно быть ограничено сельскохозяйственной и флористической терминологией. В связи с этим в качестве источника рассматриваемых слов может быть предложено перс. *čarx* 'колесо' с параллелями во всех иранских языках (~ др.-инд. *cakra-* 'колесо' и т.д. < праиндоевр. **kʷekʷlo-* 'колесо'), широко заимствованное в кавказские и тюркские языки (Абаев 1958—1989 I 287—288; IEW 640; Räsänen 1969 : 100). Развитие перс. *čarx* 'колесо' → булг. *čärk* 'колесо, круглый' > чув. *śarə̃k* 'репа', первоначально 'подобный колесу, круглый и плоский корнеплод' → праперм. **śarij-* то же фонетически не встречает проблем, а семантические трудности вполне преодолимы — особенно, если учесть суффиксацию в пермских языках, что косвенно подтверждает этимологию названия репы как «корнеплода, похожего на колесо».

С другой стороны, поскольку следов значения 'колесо' ни у чув. *śarə̃k*, ни у рассматриваемых пермских слов не наблюдается, позиции предложенной этимологии выглядят довольно шаткими. Данное слово могло попасть в Среднее Поволжье в виде общего названия корнеплодов: ср. осет. ирон. *сæхæгæ*, дигор. *зæхæгæ* 'свекла' (также — все травянистые растения, употребляемые в вареном виде и в качестве начинки в пирогах, отсюда также осет. ирон. *сæхæрадон*, дигор. *зæхæгæ* 'огород', → чеч., ингуш. *žaxar* 'вареная черемша') ← груз. *č'arxali* 'свекла' (Абаев 1958—1989 I 309). Дальнейшую этимологию грузинского слова В. И. Абаев связывает с абхаз. *č'arkwa* 'земляная груша', но в таком случае неясно направление заимствования: из абхазского в грузинский или наоборот. Речь идет, таким образом, о довольно широко распространенном ареальном кавказском названии корнеплодов и овощей. Не исключено, что данное слово может быть новообразованием от перс. *čarx* 'колесо'. Кавказское **č'arx-* через древнеосетинское (аланское) **cærx* (> **cæxr* > **cæxæra*) могло быть заимствовано в болгарский в виде **čärk* 'корнеплод', откуда закономерно выводится чув. *śarə̃k* 'репа'. Таким образом, для чувашского названия репы обнаруживается кавказская этимология, а фонетический облик пермских слов (**ś* на месте **č*/**c*) однозначно указывает на то, что данный культурный термин проник в пермские языки через древнечувашское посредство.

Две предложенные здесь этимологии чув. *śarə̃k* 'репа', из которых вторая выглядит, по-моему, вполне приемлемой, позволяют сделать

V. V. Napolskich

вывод о древнечувашском (булгарском) происхождении праперм. *šarijk-* 'репа', которое, таким образом, входит в ряд названий овощных культур, заимствованных в пермские языки из тюркских: болгарского (удм. *kušman* 'редька', *sugon* 'лук' (Wichmann 1903 : 132), *kubista* 'капуста') и татарского (удм. *kešjir* 'морковь', *kijar* 'огурец', *jasnik* 'чечевица' и др. (Csúcs 1990 : 70)).

С о к р а щ е н и я

Коми диалекты: **вв.** — верхневычегодский, **вс.** — верхнесыольский, **вым.** — вымский, **иж.** — ижемский, **лл.** — лузско-летский, **нв.** — нижневычегодский, **печ.** — печорский, **скр.** — сыктывкарский, **сс.** — среднесыольский, **уд.** — удорский;

абхаз. — абхазский язык, **груз.** — грузинский язык, **дем.** — демьянский диалект хантыйского языка, **диг.** — дигорский диалект осетинского языка, **др.-инд.** — древнеиндийский язык, **ингуш.** — ингушский язык, **ирон.** — иронский диалект осетинского языка, **осет.** — осетинский язык, **перс.** — персидский язык, **ср.-булг.** — среднебулгарский язык (по К. Редее и А. Рона-Ташу), **чеч.** — чеченский язык.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А б а е в В. И. 1958—1989, Историко-этимологический словарь осетинского языка I—IV, Москва—Ленинград.
Л ы т к и н В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
Ф е д о т о в М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка I—II, Чебоксары.
C s ú c s S. 1990, Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen, Budapest.
P o k o r n y, J. 1959, Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, Bern—Wien (= IEW).
R ä s ä n e n, M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen, Helsinki (LSFU XVII).
R é d e i K. 1986, Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. — Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, Bd. 468, Wien.
R é d e i K., R ó n a - T a s A. 1972, A permi nyelvek ós-permi korai bolgár-török jövevényszavai. — NyK 74.
— 1975, A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése. — NyK 77.
— 1982, Proto-Permian and Votyak Loan-Words in Chuvash. — Studies in Chuvash Etymology, Szeged (Studia Uralo-Altaica 17).
U o t i l a, T. E. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen (MSFOu LXV).
V i i t s o, T.-R. 1993, Livonian *kõps* 'Hare' and Finnic *korva* 'Ear'. — LU XXIX, 89—94.
W i c h m a n n, Y. 1903, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen (MSFOu XXI).

V. V. NAPOL'SKICH (Iževsk)

NICHTALLTÄGLICHE AUS DEN TURKSPRACHEN STAMMENDE LEHNWÖRTER IM WOTJAKISCHEN II. DAS WORT *сяртчы*

Wotj. *šartčj* 'Rübe' ~ syrj. *šorkni* id. < urperm. **šarijk-* werden als Entlehnungen aus dem Tschuwaschischen (*šaržk* 'Rübe') betrachtet. Das tschuwaschische Wort

gilt seinerseits als Entlehnung einer kaukasischen Benennung der Wurzelfrüchte, *č'arx- (georg. č'arxali 'rote Rübe', abchaz. č'arkwa 'Erdbirne'), die durch das Alanischen (*cærx > *cæxx > osset. cæxæra 'rote Rübe, Gemüse verschiedener Art') ins Bulgarische gelangt sein sollte. Die Möglichkeit solcher Entlehnungen und die Entwicklung *č- > *š- weisen eindeutig darauf hin, dass die permischen Wörter urchuwassischen (bulgarischen) Ursprungs sind und zur Gruppe der aus den Turkprachen stammenden permischen Gemüseamen gehören.